

КОРНИ РОДОВОГО ДРЕВА

*Жизнь учит лишь тех,
Кто ее изучает.*

В.О. Ключевский

Кто в детстве не слыхивал сказок из уст любимой бабушки, в которых, как правило, все кончалось благополучно. Помню, как своими натруженными, жилистыми руками бабушка гладила мою голову, стараясь поскорее усыпить, но я никак не мог заснуть, с нетерпением ждал конца сказки. Одну за другой я внимательно прослушивал ее сказки, перемешивающиеся с легендами, похожими на правду. Времени было уже за полночь, а я не смыкал глаз. Бабушка хитровато смотрела на меня, прищурив ласковые глаза, убеждалась, что обычной сказкой меня не усыпить, немного помолчав, переводила дух и совсем другим голосом продолжала...

Было это во времена Петра Великого. В одном из хуторов вблизи селения Муки-Какси, раскинувшемся по старому Сибирскому тракту – Государевой дороге, проживал богатый русский купец, у которого была неопикуемой красоты дочь Таня, а в полверсте от него было поместье купца-татарина, торговавшего заморскими товарами и не знающего себе равных по богатству. У него был сын, красавец-джигит, стройный, высокий, лихой наездник по имени Тахир. Каждое воскресенье народ с окрестных хуторов собирался на берегах живописной реки на гуляния. Здесь проводились различные состязания: борьба, скачки, бега. День по обыкновению начинался со сборов на лугах. Рыбаки разводили костры и готовили уху, из улова, пойманного на зорьке. Вдоль

реки сизым покрывалом расстилался дымок, приятно щекоча обоняние. Чуть подальше наездники готовили к скачкам лошадей, украшая их сбрую и гривы лентами. А когда спадала полуденная жара, и мал и стар собирались в хороводы. Над рекой плавно звучали и русские, и татарские песни. Потом и молодые, и уж в годах, солидные люди, разбредались в первозданных приречных “джунглях” Иногда между парнями возникали потасовки за право заслужить внимание той или иной красавицы. Доходило до того, что сходились стенка на стенку. Крепко скроенный купеческий сын Иван – друг Тани – старался избегать подобных стычек, подхватив возлюбленную, уводил ее подальше от шума. Он давно уже заметил, что с Танечки не сводит монгольских глаз Тахир... Не ускользнуло это и от цепкого взгляда наделенной житейской мудростью Евдокии Аполлинарьевны – матери Тани. И что больше всего тревожило материнскую душу, так это то, что и Тахир симпатизирует Тане. Они чем-то даже похожи друг на друга. Оба смуглые, круглолицые и курчавые. Много раз мать принимала для себя решение поговорить с дочерью по этому поводу, но все никак не доходили руки, откладывала на потом.

Однажды тихим июньским вечером, когда над хутором стужались сумерки, сдобренные ароматом цветущих садов, Евдокия Аполлинарьевна заметила, что Тани нет дома, и решила выйти за калитку. Каково же было ее удивление, когда на скамейке перед палисадом она увидела дочь, сидящую рядом с Тахиrom, о чем-то любезно и упоительно беседующую. С тех пор, как Таня впервые увидела Тахира, была сама не своя. Потеряла покой. Тогда-то и пришло к ней первое чувство: она к тому времени вошла в пору и достигла полного цветения. Парни и девушки завидовали Тахиру и Тане. А старушки-соседки, глядя в счастливые глаза Тани, восхищались: какая красивая пара!

Все что угодно могла допустить Евдокия Аполлинарьевна, но такое, чтобы ее дочь любезничала с этим неверным, такого греха она простить не могла. Мать была готова сквозь землю провалиться. Привыкшая властвовать в доме, она еще надеялась исправить положение.

Едва сдержав свой гнев, купчиха поспешила к мужу. Родители приняли все близко к сердцу, были расстроены греховным поступком дочери, попытались ей внушить, что так нельзя, но все напрасно. Все реже у их дома появлялся Иван, и все чаще Таня встречалась с Тахиром. Вскоре родители Тани навестили родителей Ивана. Было решено спешно поженить детей, чтобы уберечь дочь от дурного поступка. А когда в доме невесты появились сваты, Таня не побоялась ни угроз родителей, ни людской молвы, наотрез отказалась выходить замуж за Ивана. В доме поднялся переполох. На Евдокию Аполлинарьевну это произвело ошеломляющее впечатление, она упала в обморок. Еще бы! Во всем роду такого не бывало, а тут единственная дочь вышла из повиновения! Послали за доктором. Оправившись от нервного потрясения, Евдокия Аполлинарьевна настояла на своем. Нетерпение родителей росло. Все в этом доме было. Не хватало только одного – повиновения дочери. Был назначен день свадьбы. В ответ Таня протестующе пригрозила, что убежит из дому. Тогда в воспаленном мозгу Ивана Григорьевича и Евдокии Аполлинарьевны созрело решение закрыть строптивую дочь в клетки и выпустить лишь в день свадьбы, когда за столом соберутся почтенные гости.

И вот настал тот день – торжественный и тревожный. Именные гости подъезжали на тройках, в роскошных упряжках. Веселые, возбужденные. Сбруя на конях расшита золотом. Дружки жениха, как на подбор, все в вышитых рубахах, подпоясаны поясами с цветастыми кистями, в сопровождении гармонистов отплясывали красиво и лихо. Из открытых окон дома доносился говор стряпух, запах яств. На купеческом столе жаренный поросенок с яблоками, роскошные бутылки с заморскими винами. Хрустальные фужеры мирно и торжественно позванивают от сотрясения. Стол давно ломился от еды, но кухарки продолжали подносить все новые и избранные блюда. На весь хутор играл граммофон, извещая о важном событии. Продолжалась веселая суэта. Во дворе стоял шум, гвалт, смех.

Настало время наряжать невесту. Подружки, прихорошившись, со свадебными припевками-прибаутками направились в

злополучную клеть. Открыли двери. Но что это? В чем дело? Клеть была пуста. Все терялись в догадках. Ни родители невесты, ни званые гости, ни жених не могли понять, что же произошло. Евдокии Аполлинарьевне стало плохо, она забилась в истерику. И седой старец-доктор, сидя около ее кровати, подавал женщине различные снадобья и что-то бормотал себе под нос о том, что не иначе как во всем этом замешана нечистая сила. Сердце отца Тани переполнилось досадой, перерастающей в яростный гнев. Потом Иван Григорьевич, не давая себя перебить и от злости кусая губы, долго допрашивал сторожа, который только и твердил скороговоркой, что никто и близко не подходил к клетю и даже не прикасался к амбарному замку. А тем временем гости поняли, что свадьба не состоится, и стали разъезжаться. Только жених, обхватив голову руками, в одиночестве сидел за столом, дав волю слезам. Да сиротливо и печально на длинном столе вокруг бутылок стояли не тронутые хрустальные бокалы.

Предполагаемое веселье обернулось трагедией.

– Боже мой, боже мой, – навзрыд плакала мать Тани, причитая, – какой позор! Что люди о нашей семье скажут? Что подумают про наш древний купеческий род? Какой неслыханный позор! Какой позор! Твердила она. Сердце ее разрывалось от горя. Обессиленная и сломленная и сама не своя, она надолго свалилась в постель.

Накануне ночью была сильная гроза, словно предвещающая что-то недоброе, непоправимое. После каждого удара грома, сотрясающего пятистенный особняк, родители невесты долго крестились и читали душеспасительные молитвы и всю ночь не смыкали глаз. За окном, как из ведра, лил дождь.

Когда Тахир узнал, что Таню насильно выдают замуж, то был всерьез опечален, ходил как неприкаянный. Они любили друг друга и давно объяснились в этом. Что делать? Что же предпринять? То, что Таню заточили в клеть, для Тахира не было тайной. Об этом, непомерно жестоком поступке родителей, слух быстро разнесся по всей округе. И Тахир твердо решил спасти

пленницу. Через дыру в заборе юноша проник в сад, а затем прошел мимо спящего сторожа. В стене клетки обнаружил полу-сгнившую решетку, обхватившую небольшое окно. Оторвал ее.

Дальше все произошло быстро и просто. Через несколько мгновений Таня оказалась на руках Тахира. Дождь не утихал. Тахир пронес возлюбленную через сад. Они вышли за пределы купеческой усадьбы и, почувствовав крылья, оказались на свободе. Теперь подальше от этого рокового дома. Через некоторое время они были в лесу под развесистой елью, спасаясь от дождя и согреваясь в объятиях. Будущее их не пугало: любовь была сильнее ожидавших их невзгод и испытаний. Как говорят, с милым и в шалаше рай. Таня находилась будто во сне, крепко прижималась к Тахиру вздрагивающим телом.

Прежде всего они ощутили обостренное чувство голода. Была середина июня. Только что отцвели дикие яблони. Ягоды в лесу еще не поспели. Не знали еще они, что их ждут события – что и врагу кровному не пожелаешь. Им нужно было искать работу, выполнять самое грязное дело, батрачить, чтобы кормиться. А тем временем над ними нависла новая угроза. Ни те, ни другие родители не могли простить им за позор, в который были ввергнуты. Братья и родственники Тахира рыскали по всей округе, разыскивая его, чтобы уговорить бросить Таню и вернуться в отчий дом, и отмаливать свой грех по мусульманским канонам. В одном селении они нашли влюбленных, но Тахир наотрез отказался выполнить повеление родителей и родственников. Тогда они пытались вернуть его силой и это не помогло. Произошла драка, в которой Тахир был жестоко избит и через некоторое время умер. Татьяна похоронила Тахира и долго скиталась, перебиваясь случайными заработками.

Проходили дни, месяцы в поисках работы, пищи. У нее родился сын, как две капли, похожий на отца. В память о любимом она назвала его Тахиром. Красота ее не поблекла и после родов, привлекала внимание мужчин, к которым она нанималась, а поэтому долго задерживаться на одном месте не могла. Ради сына не брезговала никакой работой. Но сынки богатых

людей не давали ей прохода, ходили за ней по пятам. Многое пришлось ей испытать. Мальчик подрастал, делил с матерью и радость и невзгоды. Однажды они совсем случайно оказались рядом с хутором. У родительского дома: сердце помнило и тосковало по каждой вещичке, в детстве оставленной в нем. Таня узнала забор, которым огорожена усадьба родителей. А вот и пролом в заборе, через который ее тогда вынес Тахир. Дыра в заборе была заделана. Таня подошла ближе, заглянула в щель и обмерла и застыла, как изваяние. В нескольких шагах стояла ее мать, Евдокия Аполлинарьевна настороженно прислушивалась к шороху за забором. В порыве какого-то смутного чувства, то ли радости, то ли горести Таня через силу улыбнулась, хотела крикнуть: мама! Но сдержала себя, лишь беззвучно заплакала. Слезы градом текли, обжигая щеки, затуманив ее ослепительно черные глаза. Она хотела рассказать Тахиру, что здесь живут особенные, очень богатые люди, купающиеся в роскоши, что вот этот дом принадлежит его деду и бабушке, но и на этот раз умолчала. Хотя это было выше ее сил.

Существует много примет о погоде и о грядущих событиях, но Тани не дано было знать, каков будет завтрашний день.

Долго она еще скиталась с сыном. В последнюю осень странствия Тани и Тахира владычествовала ненастная погода. Часто шли затяжные дожди с мокрым снегом. Простуженная и больная, она случайно набрела на избушку лесника. Жила в ней вдова лесника, старушка, которая еле-еле сводила концы с концами, перебиваясь с хлеба на квас, но преисполнилась сочувствием к странникам и приняла их сердечно и чем могла поделилась с несчастными. К ночи Таня совсем занемогла, тело ее пылало в жару, и она в беспомощности что-то говорила, металась в бреду. К утру она скончалась. Из всего, что слышала, лесничиха поняла, что та просила по возможности приставить к делу Тахира, позаботиться хотя бы устроить в приют. Лесничиха похоронила Таню на лесной поляне, поплакала на могилке. Тахир, по детской наивности, еще не понимал, что ждало его впереди.

Старушка оказалась на редкость участливой, доброй и просьбу Тани выполнила. Она отвела мальчика в приют, расположенный верстах в десяти. Фамилий люди в то время еще не имели и детей записывали по имени отцов и по их ремеслу. Сына плотника – Плотниковым, кузнеца – Кузнецовым.

Так случилось, что в этот день скопилось несколько сирот, и лесничихе пришлось выстоять очередь. Старушка слушала. Писарь заносил имена детей в книгу. Первым записали мальчика, назвав его Николаевым сыном с указанием хутора, из которого он был приведен. Вторым был Иванов сын и т.д. Дошла очередь и до Тахира, но старушка не знала ни его отца, ни имени мальчика и с трудом уговорила, чтобы приняли сироту. А в журнале записали: Татаринов сын. Потянулись сиротские дни, недели, годы, длинные скучные, как бесконечное осеннее пасмурное небо над головой. А когда мальчику исполнилось пятнадцать лет, пришла пора начинать самостоятельную жизнь. При выписке нужно было обязательно давать имена, и его нарекли Андронимом. Итак Андрон Татаринов получил путевку в жизнь. На всем белом свете у него не было никого – как дерево одинокое. Он и явился начальником родословной Татариновых. В некоторых ветвях могучего древа люди были похожи на татар, наверное потому, что сказывалась татарская кровь.

Так из уст в уста мои предки передавали тайны родословной. Тот самый Тахир, нареченный Андронимом, родился в 1720 году. А между тем шел год за годом. По выходу из приюта Андрон отслужил в царской армии, отдал свои лучшие годы за веру, царя и отечество, вернувшись сержантом запаса на гражданку, в селе Муки-Какси обзавелся постоянным двором, рядом с пересыльной тюрьмой. В 1790 году Н.А. Радищев по пути в сибирскую ссылку менял лошадей у Андрона, о чем он описывает в своих путевых записках.

Из путевых записок А.Н. Радищева. 14 ноября 1790 года.

Какси, тож Муки-Какси, 26 верст. Не доезжая оной деревни 5 верст, р. Вале переезжали. Летом на ней паром шириной сажень 25. Иным годом разливается на дорогу. По реке лес черный, а не-

много далее ель и после 2 версты от реки вотские деревни. Они овинов не имеют, хлеб молотят сырой, а когда молоть, то сушат в печах. Народ боязливый и добрый. В Какси один овин. Живет отставной сержант с семьей, держит постоянный двор. Сюмси, 20 верст. Впрягают проворно, быть может, по той же причине, как татары, чтоб с рук сбыть. Юбери, 14 верст. Ночевали. Нашли праздник, состоит в том, что все девки, бабы мужики ходят из двора во двор и пьют вино, ходили до утра и перепились. В Юруке ночевали у татарского начальника, который выбирается ежегодно во всякой деревне для разбору дел ниже 20 рублей, даже гроши, но свыше идут в суд. Уголовные надлежало бы отсылать в суд, но отсылают смертоубийства только. Судят по корану.

(Радищев А.Н. Полное собрание сочинений. Т.3. М.-Л., 1952. С. 254–255).

Однако, как говорится, скоро сказка сказывается, но не скоро дело делается. Чтобы докопаться до истины, пришлось перелистать более десятка толстых книг Муки-Каксинской церкви и по точнейшим записям установить все, что описано выше. Это тот случай, когда легенда совпала с былью. И тут, как говорят, ничего не прибавить, не убавить. Это лишь одна ветвь родословной. На этом все тайны родословной, конечно, не раскрываются. Много еще предстоит отыскать Татариновых, разбредшихся по Руси. По рассказам родичей, есть Татариновы в Белой Церкви, есть в Сибири, есть в Москве.

После смерти Андрона, а затем и его сына Ефрема постоянный двор в Муки-Каксях пришел в упадок, а с появлением железных дорог Государева дорога постепенно утрачивала свое значение. Николай, Роман и Матвей со своими семьями покинули село Муки-Какси и поселились в лесной местности, основав починок Рябчик, первоначально назвав его Рябчиково. Здесь и родился ваш покорный слуга.

Деревни Рябчик, Быстряк, Стариково, Веселово как спутницы Туташева входили в Туташевский сельсовет Алнашского района Удмуртии, существовавший до 15 июля 1929 года. Затем перешли в Можгинский район, существовавший с 15 июля

1929 года до 1 июля 1937 года, и Пычасский район – 1 июля 1937 года до 27 июня 1956 года. С этого времени территория Туташевского сельсовета была перекроена. Туташево вошло в состав Большекибьинского сельсовета Можгинского района. Вскоре все деревни – спутницы Туташева, в том числе и Рябчик, исчезли как бесперспективные. Только бурьян да отдельные фруктовые деревья, покалеченные тракторами, остались на месте некогда так милых и дорогих сердцу отчих домов. Территория Рябчика перешла в Нижнеюринский сельсовет ныне Малопургинского района, и деревня Рябчик просуществовала с 1878 года до 60-х годов двадцатого столетия.